

— Пап, я же говорил, что мне нравятся мужчины. Жениться на девушке я не буду, — Чэн Тянь с досадой посмотрел на отца.

После того как в университете он осознал свою ориентацию, долго всё обдумывал и совершил каминг-аут перед родителями. Тогда он посчитал, что лучше рассказать раньше, чтобы они успели свыкнуться с мыслью, пока не стали совсем старыми и не восприняли новость слишком болезненно. Разумеется, поначалу супруги принять это не смогли: каждый раз, глядя на сына, они только тяжело вздыхали. Но позже до них дошли слухи об одном старшекласснике из их городка: родители узнали, что он гей, начали принудительно разлучать его с парнем, таскали по врачам и всячески изводили, пока парень не выдержал и не покончил с собой, выпрыгнув из окна.

Узнав об этой трагедии, родители, у которых был единственный сын, решили, что не хотят лишать его понимания и поддержки. Почерпнув информацию из интернета, они поняли, что это не болезнь, а врождённая особенность, и в итоге приняли его, поставив лишь одно условие: не вести беспорядочную жизнь. Они были наслышаны о том, что в этой среде всё довольно запутанно, поэтому и выдвинули такое требование.

— Даже если не женишься, в той квартире всё равно можно жить, да и в цене она вырастет. Если не будет хватать денег, мы с матерью подкинем, займём. Если с делом не сложится, у тебя хотя бы будет квартира как последняя опора, — Чэн Цзяньшэ не унимался, он был категорически против продажи недвижимости, считая её ценным активом.

Чэн Тянь смотрел на отца и понимал, что переубедить его прямо сейчас не выйдет, оставалось лишь действовать по обстоятельствам.

— Пап, а у нас есть свободная земля? Я хотел бы завтра засеять одну сотку, а потом отправить урожай другу на продажу, — Чэн Тянь решил сменить тему, чтобы не доводить разговор до ссоры.

— Ты ещё даже толком за дело не взялся, а уже хочешь горные земли арендовать? Не слишком ли ты рискуешь? И ещё квартиру продать хочешь... По-моему, у тебя мозги набекрень, — услышав это, Чэн Цзяньшэ вытаращил глаза. Ему казалось, что сын действует без всякого плана, хватаясь за всё подряд.

— Да ладно тебе, я просто прицениваюсь. Мне же нужно хотя бы вникнуть в условия аренды. Я пробовал овощи, выращенные из тех семян, они очень вкусные. Думаю, пока я добьюсь аренды горного участка — неизвестно, сколько времени пройдёт, лучше пока посадить что-то на пробу и продать, — Чэн Тянь тут же принялся ласково уговаривать отца, одарив его улыбкой.

— Ты меня не дуришь? — Чэн Цзяньшэ подозрительно прищурился.

— Правда, честное слово! Как я могу тебя дуришь в таком серьёзном деле? Я вкладываю свои кровно заработанные деньги, я ради них чуть жизни не лишился, как я могу ими разбрасываться? — Чэн Тянь закивал, стараясь выглядеть максимально искренним.

Услышав о том, что сын был на волосок от смерти, Чэн Цзяньшэ не смог продолжать сомневаться. Он сообщил, что у них есть три свободных сотки, на которых они собирались посадить батат, кукурузу, картофель и кое-какую сезонную зелень.

— Пап, тогда отдай эти три сотки мне под овощи. Пекинская капуста и мелкая зелень созревают за месяц, если не пойдёт — успеем ещё и ваши культуры посадить, — Чэн Тянь тут же ухватился за это предложение. Он-то думал, что одной сотки хватит, а тут целых три — просто замечательно.

Чэн Цзяньшэ немного подумал, посмотрел на восторженное лицо сына и согласился.

— Спасибо, пап! Завтра же выйду с вами в поле, буду усердно работать. Построю нам большую ферму, будем жить припеваючи! — Чэн Тянь принялся беззастенчиво рисовать отцу радужные перспективы.

— Семена мне отдай. Мы с матерью за три дня эти три сотки обработаем. А ты посиди дома, восстанови силы, а то только из больницы выписался, как бы снова не слёг, — Чэн Цзяньшэ посмотрел на бледное лицо сына и его тонкие руки, на которых почти не было мышц. Было видно, что парень отвык от физического труда, а уже рвётся в огород — прямо-таки ищет приключений на свою голову.

— Ладно, тогда я буду сеять и поливать, это же можно? Не могу же я просто стоять и смотреть, как вы работаете. Это моё дело, и если я буду доставлять вам с мамой лишние хлопоты, мне будет очень неловко. Если не разрешишь, тогда подожду, пока окрепну, и сделаю всё сам, — Чэн Тянь, видя в глазах отца смесь раздражения и заботы, решил пойти на компромисс. Такое дело нужно делать самому, чтобы набраться опыта, иначе всё будет впустую.

К тому же он не мог позволить себе отдыхать дома, пока родители вкалывают в поле ради его затеи. Сеять и поливать он вполне в состоянии, да хоть камни с участка поубирать — и то польза.

Чэн Цзяньшэ посмотрел на решительное выражение лица сына и кивнул. Чэн Тянь остался доволен.

Вечером, уплетая куриный суп, который сварила мама, Чэн Тянь чувствовал себя очень счастливым. В больнице он был совсем один, даже передать еду было некому, приходилось платить медсёстрам, чтобы те что-то покупали. Глядя, как к другим пациентам приходят родные с домашней едой, он ужасно завидовал, но тогда не решался ничего рассказать семье, боясь их расстроить.

За ужином Чэн Тянь обсудил свои планы с Ли Янь. Та посмотрела на мужа, увидела, что он кивнул, и тоже не стала возражать. Больше всего её радовало, что сын будет работать дома — не нужно будет переживать, что он плохо ест или не высыпается.

После ужина он пошёл прогуляться с отцом по деревенской площади. Мать отправилась болтать с соседками. Встречая знакомых дядюшек, тётушек и бабушек, Чэн Тянь приветливо здоровался и легко вступал в разговор. Его прежняя работа требовала постоянного общения с людьми, поэтому сейчас, оказавшись среди сельских жителей, он чувствовал себя как рыба в воде и легко поддерживал беседу. Вскоре он уже стал своим в доску и выведал немало местных новостей.

Около девяти вечера все разошлись по домам. Когда он вернулся с отцом, матери дома ещё не было. Предупредив отца, Чэн Тянь поднялся на второй этаж принять душ. После купания он сел на балконе, листая ленту в телефоне. Друзья, узнав, что он уволился и вернулся домой, завалили его сообщениями, спрашивая, как дела и добрался ли он. Он ответил каждому.

Затем сыграл три партии в игру, посмотрел на время — почти одиннадцать, вышел из сети и выключил свет.

Ночь прошла без сновидений. На рассвете, под аккомпанемент петухов и птичьего щебета, Чэн Тянь проснулся. Посмотрел на телефон — восемь утра, ни рано, ни поздно. Вспомнив, что на работу идти не надо, он ещё немного повалялся в постели, потом встал, умылся, переоделся и, шлёпая тапочками, спустился вниз.

Чэн Цзяньшэ и Ли Янь уже сидели во дворе, собираясь на работу.

— Доброе утро, пап, мам, — крикнул Чэн Тянь с сияющей улыбкой.

— Завтрак на плите. Поешь и приходи с семенами на то же место, где были вчера. Не забудь надеть шляпу, и не ходи в тапочках — в обувнице есть нормальная обувь для работы, надень её, чтобы ноги не натереть, — напутствовал его Чэн Цзяньшэ.

— Хорошо, — кивнул Чэн Тянь.

— Пойдём, — сказал отец матери, и они отправились в поле.

Оставшись один, Чэн Тянь зашёл на кухню, перекусил двумя яйцами и пшённой кашей. Быстро помыл посуду и достал из обувницы ту самую обувь. Примерил — как раз впору. Достал из системного рюкзака семена, нацепил соломенную шляпу и вышел, не забыв запереть дверь.

Солнце ещё не успело припечь, и на улице было довольно приятно.

<http://bllate.org/book/18815/1830617>